

УДК 378.096 (460)
DOI: 10.17223/22220836/22/6

О.А. Жеравина

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ КОЛЛЕГИИ САЛАМАНКИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье анализируются характер и значение университетских коллегий как центров образования и воспитания; их эволюция и роль в подготовке деятелей церкви, а также административных кадров для испанского государства. Рассматриваются форма организации института коллегий и особенности их взаимоотношений с университетом. На примере Саламанки раскрываются цели и задачи функционирования старших коллегий в социальном контексте Испании XVI в.

Ключевые слова: история университетов, старшие коллегии, Саламанкский университет.

Первые университетские коллегии в Европе появляются в конце XII – начале XIII в. Изначально их создание базировалось на идее благотворительности; они возникали как общежития для бедных студентов, которые были не в состоянии платить за жилье и еду и иметь необходимые условия для учебы. Со временем коллегии превращаются в учебные центры, где объединение студентов происходит не только по принципу землячества, но и в силу специфики и уровня образования.

Появление коллегий как самостоятельных образовательных учреждений знаменовало собой начало своеобразного процесса децентрализации обучения. Коллегии все больше воспринимались как центры мирской академической жизни, и к концу XV – началу XVI в. именно здесь получают широкое распространение новые, гуманистические ценности.

Коллегии, как и сам университет, оказались чрезвычайно жизнеспособными институтами, рожденными средневековым обществом; они пережили не одну трудную для себя эпоху и остаются важнейшим компонентом функционирования современного университетского сообщества. При этом, как замечает испанская исследовательница А.М. Карабиас Торрес, «сравнение старшей коллегии XIV в. с коллегией XXI в. обнаруживает больше соответствий, нежели различий» [1. С. 68].

Изучение феномена университетских коллегий является актуальным как с исторической точки зрения, так и в плане осмысления существующих форм организации научно-образовательных и воспитательных сообществ.

В этом отношении весьма интересным представляется опыт Испании, имеющей богатую университетскую историю. Испанские университетские коллегии в течение веков служили опорой студентам, многие из которых именно благодаря этой материальной поддержке могли впоследствии занимать самые высокие государственные и церковные должности, становиться учеными и общественными деятелями.

Среди довольно многочисленных к XVI в. коллегий в университетах Испании особая роль принадлежала небольшому числу коллегий, именовавшихся старшими. Эти учреждения, как показывают исследования А.М. Карабиас Торрес [2], Б. Куарта [3], В. де Ла Фуэнте [4], помимо крова и пищи, предоставляли своим членам широкие возможности в области образования, духовного развития, воспитания, а также открывали перед ними широкие перспективы карьеры и профессионального роста.

Любопытно, что испанская старшая коллегия как университетский институт родилась в Италии, где в 1367 г. кардинал Альваро Хиль де Альборнос основал коллегия св. Климента, именовавшуюся также Коллегией испанцев. По воле Альборноса это учреждение было предназначено для покровительства испанским студентам, которые обучались в Болонском университете. Основатель коллегии ставил своей целью дать возможность получить высшее образование небольшому числу молодых одаренных соотечественников, не имевших для этого собственных материальных средств. Коллегия предоставляла стипендии тем из претендентов, кто отвечал ряду условий, включавших требования физического порядка (возраст, здоровье); интеллектуального (пройденный курс обучения, способности, прилежание); экономического (бедность); личного (связанного с родословной, образом жизни), географии происхождения (преимущество имели выходцы из Кастилии). В коллегия могли быть зачислены 30 студентов в возрасте старше 21 года.

Под руководством архитектора Гаттапоне – специалиста по строительству крепостных и монастырских сооружений – за короткий срок было построено здание коллегии, распахнувшее свои двери для испанских студентов. Во внешнем облике коллегии были воплощены черты как монастырской, так и крепостной постройки. Это отвечало замыслу самого Альборноса, стремившегося, как замечает К. Кьярантони, придать своему учреждению характер социальной и культурной самодостаточности [5. С. 7] (рис. 1).

Рис. 1

Рис. 2

Система одноместного размещения предоставляла каждому студенту кабинет для занятий и молитвы, где имелись камин, кровать, ящик с ключами, скамья, пюпитр и рабочий стол для занятий. Предусмотрены были и пространства для размещения особо важных персон. Испанский король Карл I несколько месяцев провел в коллегии св. Климента в ожидании состоявшейся в феврале 1530 г. своей официальной коронации в качестве императора Священной Римской империи.

Коллегия св. Климента в Болонье послужила моделью для создания шести подобных учреждений в Испании: в 1401 г. епископ и меценат Диего де Анайя основал коллегию св. Варфоломея в Саламанке; в 1486 г. кардинал Мендоса – коллегию св. Креста в Вальядолиде. В 1499 г. кардиналом Сиснеросом была основана коллегия св. Ильдефонса в Алькала-де-Энарес [6]. В Саламанке примерно в 1500 г. архиепископ Диего Рамирес де Вильяэскуса основал коллегию Сантьяго Себедео, или Куэнки, в 1517 г. епископ Диего де Мурос – коллегию св. Сальвадора, или Овьедо, и архиепископ Фонсека в 1521 г. создал коллегию Сантьяго, или Архиепископа (рис. 2). Последняя является единственной из остальных старших коллегий Саламанки сохранившей свой первоначальный облик XVI в. Ее фасад украшает образ апостола Иакова, святого покровителя Испании. Само здание построено по типу монастырской постройки, имеющей внутренний двор с крытыми галереями (рис. 3).

Как видим, четыре из шести старших коллегий Испании были основаны как подразделения Саламанкского университета. При этом коллегии св. Варфоломея принадлежало особое место в ряду прочих ей равных. Достаточно

отметить, что ее питомцами были многие основатели других коллегий и даже университетов Испании. Коллегия св. Варфоломея считалась наиболее авторитетной, ее устав являлся образцом для других университетских учреждений как в Испании, так и в Латинской Америке [7] (рис. 4).

Рис. 3

Основатели старших коллегий, среди которых были преимущественно высокопоставленные церковные деятели, даровали этим учреждениям ренты, скрупулезно прописывая порядок их использования, что обеспечивало каждой конкретной корпорации возможность получать постоянный доход. Это позволяло содержать фиксированное количество студентов в течение всего срока их пребывания в коллегии, который составлял, как правило, 8 лет.

Уставами коллегий учреждалось их политическое, юридическое и экономическое самоуправление, что для коллегиялов являлось благоприятной возможностью и одновременно обязательством обучаться навыкам как руководства, так и подчинения. С этой целью для членов коллегии учреждались различные ответственные должности, которые можно было занимать лишь определенное, ограниченное уставом время.

Каждая коллегия управлялась ректором и тремя советниками, которые ежегодно избирались из корпуса коллегиялов. Выборы с процедурой тайного голосования осуществлялись каждый год в определенные дни. Собравшись в часовне для этого акта, все коллегиялы присутствовали на специальной мессе. Лица, избранные на руководящие посты на период до одного года, должны были принять назначение под угрозой исключения и дать торжественную клятву.

Рис. 4

Отметим, что принцип ротации, заложенный в основу профессиональной деятельности в рамках старшей университетской коллегии Испании раннего Нового времени, в наши дни, спустя полутысячелетие, рассматривается как весьма важный и действенный. Современные специалисты в области менеджмента высшей школы отмечают, что ротация является обязательным элементом в программе подготовки руководителей высшего звена [8]. Рассматривая перспективную модель формирования кадрового резерва системы общего образования, Д.Д. Поляков в качестве важного этапа реализации этой модели называет ротацию педагогических кадров [9. С. 73–75]. Ротация кадров в формировании профессорско-преподавательского состава, по мнению В.А. Журавлева, является существенным отличием лучших исследовательских университетов [10. С. 25].

По уставу старшей коллегии св. Ильдефонса в университете Алькаладе-Энарес ректор коллегии был одновременно ректором университета. В саламанкских коллегиях – Овьедо и св. Варфоломея – коллегиялам было запрещено занимать пост ректора университета, – практически никто из старших коллегиялов им не становился. Такое же правило действовало в старшей коллегии св. Креста в университете Вальядолида. В Болонье же некоторые члены коллегии св. Климента становились ректорами Болонского университета в весьма деликатные для него периоды, как замечает Дамасо де Ларио [11. С. 330].

Главные задачи ректора каждой коллегии заключались в том, чтобы следить за соблюдением коллегиалами всех правил учреждения; сохранять его интересы и защищать права и привилегии коллегии.

Ректор во исполнение этого обладал важными карающими полномочиями и юрисдикцией по всем гражданским и уголовным вопросам, за исключением дел, связанных с оскорблением правящих особ, ереси и изготовлением фальшивых монет.

Члены коллегии могли обжаловать санкции ректора у советников и в некоторых случаях – у инспектора, но никогда – за пределами учреждения в других инстанциях, под угрозой исключения из коллегии.

Помимо уставов, повседневную жизнь и деятельность старших коллегий определяли статуты, которые составлялись самими коллегиями или уполномоченными представителями власти, в частности королевскими инспекторами или высокопоставленными покровителями этих учреждений. Содержащиеся в уставах и статутах предписания диктовались основной их целью, которая заключалась в обеспечении стипендиатов наилучшим воспитанием и образованием, подготовке к выполнению обязанностей, соответствующих самым высоким административным постам [1. С. 69].

Все своды правил старших коллегий содержат положения о многочисленных ритуалах, церемониях и тщательно продуманном общественном контроле в силу того, что эти предписания составлялись для учреждений, по характеру повседневной жизни и воспитанию в них напоминавших монашеские сообщества, в которых формированию моральных и духовных ценностей придавалось огромное значение.

В старших коллегиях проводилась ежедневная церковная служба, и было принято ежедневно молиться за души основателей учреждений и их родных. Говорить предписывалось только на латинском языке – как на занятиях и диспутах, так и в повседневном общении, за столом или в частных беседах. Неисполнение этого предписания, согласно статутам, грозило штрафом, который ректор в целях сохранения порядка в коллегии обязан был назначать.

Коллегиалы торжественно клялись хранить секреты учреждения под угрозой исключения.

Уставы коллегий предписывали строго следить за искоренением распущенности. Посторонним лицам запрещалось ночевать в коллегии; женщины не могли входить в коллегию или в комнату коллегиала. Никто из членов коллегии публично или тайно не мог иметь сожительниц в городе под угрозой немедленного исключения.

Азартные игры, карты, кости были также запрещены. Разрешались только те упражнения и игры умеренного характера, которые получали одобрение ректора и его советников. Были запрещены также музыкальные инструменты (за исключением коллегии св. Ильдефонса, где разрешалось играть на клавесине).

В целях предотвращения распущенности коллегиалам запрещалось носить оружие, наказывались драки – на кулаках, с использованием палок, камней или шпаг. В последнем случае виновный всегда исключался из коллегии.

Разумеется, эта строгая регламентация не предотвращала ни нарушений предписанных норм морали, ни драк, доходивших в отдельных случаях до убийства, ни прочих незаконных действий. В атмосфере культивируемой в старших коллегиях строгой дисциплины и борьбы за репутацию учреждения не последнюю роль играло и соперничество с другими родственными учреждениями, включая сам университет.

Саламанкские коллегии Куэнки и Овьедо рассматривали в своих уставах как бесчестье, если кто-то из коллегиялов публично или тайно пытался участвовать в конкурсе на замещение вакантного места в другой коллегии в Саламанке или ином городе. Такой поступок вел к немедленному исключению и обязательному возмещению провинившимся коллегиялом всех расходов, которые были потрачены на него в течение всего времени пребывания в учреждении [11. С. 300–333].

На протяжении XVI в. старшие коллегии Саламанки усиливают свои позиции в университете; укрепляют свои отношения с властью и влияние на государственную элиту. Заметно меняется социальный состав коллегий; критерии бедности и таланта при отборе стипендиатов уступают место предпочтениям в пользу выходцев из аристократической среды. Как писал в XIX в. Л. Аррасола, «бедность и дарования исчезли из этих заведений, чьи пороги переступали теперь только те, кто имел хороших родителей, и тем самым против воли их милосердных основателей, старшие коллегии стали почти исключительно владением знати» [12. С. 697].

Таким образом, предоставление места и стипендии в коллегии утратило свой первоначальный благотворительный смысл, а их получение превратилось исключительно в средство достижения высоких церковных и государственных постов.

Укрепление внутренней структуры старших коллегий Саламанки заметно осложняет взаимоотношение коллегий и университета. Имея собственный ученый совет или совет учащихся, коллегия решала через него все важнейшие вопросы своей внутренней жизни – вопросы управления и принятия новых членов, вопросы собственности, назначения на должности, а при необходимости и при достаточном большинстве голосов можно было вносить поправки в действующий устав.

В XVI в. коллегии начинают открыто противопоставлять себя ученому совету университета, соперничать с ним, пытаются подменить его.

Стремление старших коллегий к автономии, к параллельному преподаванию и праву присуждения ученых степеней постепенно пробуждает в них центробежные силы по отношению к университету. Течение повседневной университетской жизни омрачают всплески напряженности, вызываемые противостоянием коллегиялов и университетской профессуры; дело доходит до открытых раздоров и тяжб.

Эту атмосферу красноречиво отражают протоколы заседаний ученых советов Саламанкского университета второй половины XVI в. Так, 9 июля 1560 г. проректор университета доктор Луис Перес обратился к коллегам с докладной «о дерзости членов коллегии Куэнки, которые в день св. Сантьяго воспрепятствовали тому, чтобы доктора и магистры могли войти в дома, которые университет имеет на площади для наблюдения за праздником».

В протоколе заседания университетского совета отмечено, что доктор Перес «сообщил о наглости по отношению к университету, которую продемонстрировали ректор и члены коллегии Куэнки в день Сантьяго, расположив вооруженных людей в домах на площади, чтобы не дать туда войти ни одному доктору или магистру нашего университета... По этому вопросу судья канцлера провел расследование». «Ваши милости, – обращался Перес к коллегам, – должны были усмирить это дело и должны знать, как это произошло, и по справедливости выступить против упомянутых лиц, учитывая, что речь идет о домах университета, в которых они укрылись». Решением совета было поручено «господам вице-схоласту и докторам Альваро Пересу де Градо, Перо Суаресу и Франсиско де Кастро разобраться относительно того, что произошло и происходит, и в соответствии с законом и правосудием определить, что следует предпринять против коллегии Куэнки в результате произошедшего» [13. С. 182–183].

25 июня 1579 г. университетский совет рассматривал произошедший накануне инцидент во время похорон доктора Каско из коллегии св. Варфоломея. Случившееся было изложено в протоколе следующим образом: «Вопреки требованиям устава коллегиялы не допустили членов университета на похороны. Ректор ответил на это строгими санкциями: забрал кафедры, которые имели в университете члены коллегии Мигель Арес, Вергара и Гутьерес Мантилья, и объявил их вакантными. Всех членов коллегии и ее служащих он отлучил от университетского братства, назвав их чуждыми и чужими университету, лишеными права посещать его занятия, лекции; занимать его кафедры или участвовать в актах, на которых обычно присутствуют студенты университета» [13. С. 327–331].

Уже через неделю на собрании членов комиссии по делу коллегии св. Варфоломея, с участием ректора, канцлера и представителей коллегии последним было предложено изложить суть своего посольства. Выступивший доктор Акспе сказал, что «коллегия их направила, чтобы выразить сожаление и те чувства, которые они испытывают по поводу случившегося между университетом и коллегией. И что относительно случившегося они достойны быть прощенными. Ибо то, что они сделали, было лишь соблюдением устава своей коллегии, в чем они клялись в свое время, так же как и университет соблюдает свои уставы. И им тяжело от всего этого, так как произошло это против университета, их матери, от которой коллегия всегда получала столько милости и даров, будучи ее первенцем. И настоятельно просят и надеются, что университет милостиво вернет им их первородство и наследие, приказав возратить им кафедры и восстановить их в прежнем порядке. И отныне и впредь коллегия будет послушно служить университету и подчиняться ему, как полагается действовать по отношению к своей матери. И еще было произнесено много слов...». Затем, как зафиксировано в протоколе заседания, «сеньор ректор и канцлер от своего имени и от имени прочих членов комиссии, которые при сем присутствовали, ответили на это, что университет понимает, что в отношении коллегии, столь прославленной, и персон, столь значительных, которых университет видит перед собой, не следовало предполагать, что то, что произошло, имело целью непочтение и что в силу этого университет все-

гда будет бдительным, заставляя коллегию при соблюдении своих уставов согласовывать их и подчинять корпорации, как это всегда было. Необходимо вернуться к прежнему положению, существовавшему до случившегося. Было еще много сказано о произошедшем. С тем члены коллегии ушли с заседания совета».

Уровень, на котором разрешался этот конфликт между Саламанкским университетом и старшей коллегией св. Варфоломея, раскрывают последние строки процитированного выше протокола. Работа совета завершилась поистине драматургически выстроенным финалом: «И вошел на заседание совета городской писарь Педро Мартинес Кабесон и известил означенных сеньоров о королевском распоряжении Его Величества, изданном королевской канцелярией Вальядолида, по которому предписывалось, чтобы привычное было восстановлено и чтобы отлученные были освобождены от наказания и вернулись к изначальному процессу. Решили выполнить это. И коллегиялам-профессорам вернули их кафедры... На том завершилось заседание, что подтверждено ректором доном Альваро де Бонавидесом и нотариусом Бартоломе Санчесом» [13. С. 333–334].

Литература

1. *Carabias Torres A.M.* Evolución histórica del colegio mayor. Del siglo XIV al XXI // REDEX. Revista de educación de Extremadura. 2013. № 5. С. 67–81.
2. *Carabias Torres A.M.* Colegios Mayores: Centros de poder. Los Colegios Mayores de Salamanca durante el siglo XVI. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca; 1986. 3 vols. 1264 p.
3. *Cuart B.* Un grupo singular y privilegiado: los colegiales mayores // Rodríguez-San Pedro (coord.). Historia de la Universidad de Salamanca. T. 1 : Trayectoria y vinculaciones. Salamanca : Universidad de Salamanca, 2002. 752 p.
4. *Fuente V. de La.* Historia de las Universidades, Colegios y demás establecimientos de enseñanza en España. Vol. 2. Madrid : Viuda de Fuentenebro, 1884–1889. 631 p.
5. *Chiarantoni C.* La residenza temporanea per studenti: atlante italiano. Firenze : Alinea Editrice, 2008. 413 p.
6. *Жеравина О.А.* Кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос как основатель университета в Алькала-де-Энарес (к изучению серии портретов выдающихся испанцев из книжного собрания Строгановых) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). С. 61–69.
7. *Hernández F.M.* La influencia de los colegios mayores españoles en la fundación y primer desarrollo de los americanos // Estudios de historia social y económica de América. 1992. № 9. С. 9–22.
8. *Симонов-Емельянов И.Д.* Подготовка научно-педагогических кадров: опыт эффективного решения // Высшее образование в России. 2010. № 6. С. 56–62.
9. *Поляков Д.Д.* Модель формирования кадрового резерва системы общего образования РФ // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 22. С.71–75.
10. *Журавлев В.А.* Классический исследовательский университет: концепция, признаки, региональная миссия // Университетское управление. 2000. № 2 (13). С. 25–31.
11. *Lario D. de.* Estructura institucional de los Colegios Mayors Españoles: una aproximación // Las Universidades Hispánicas: de la Monarquía de los Austrias al centralismo liberal : V Congreso Internacional sobre Historia de las Universidades Hispánicas. Salamanca, 1998 / Luis E. Rodríguez-San Pedro Bezares (Ed.). T. I. Siglos XVI y XVII. Salamanca : Universidad de Salamanca. Junta de Castilla y León, 2000. P. 327–335.
12. *Arazola L.* Enciclopedia española de derecho y administración o Nuevo teatro universal de la legislación de España e Indias. T. 9. Madrid : Imprenta de la Revista de legislación y jurisprudencia, 1836. 780 p.
13. *De Heredia, V.B.* Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600): La Universidad en el Siglo de Oro. T. 4. Salamanca : Ediciones Universidad de Salamanca, 1972. 602 c.

Zheravina Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: toledo@mail.tomsknet.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (2) 22, p. 54–64.
DOI: 10.17223/22220836/22/6

UNIVERSITY COLLEGES OF SALAMANCA IN EARLY MODERN TIMES

Key words: *history of Universities, senior colleges, Salamanca University.*

The first university colleges in Europe appear in Europe at the end of 12 – the beginning of the 13th centuries. Initially their creation was based on idea of charity; they arose as hostels for poor students who weren't able to pay for housing and food and to have necessary conditions for study. Over time colleges turn into training centers where association of students takes place not only by the principle of associations, but also owing to specifics and education level. Emergence of colleges as self-sufficient educational institutions marked the beginning of a peculiar process of decentralization of training. Colleges were more and more perceived as the centers of secular academic life, and by the end of 15 – the beginning of the 16th century new, humanistic values were widely adopted here.

In Spanish academic life University colleges begin to play a noticeable role from 16th century. During this era their number grows, their relations with the power and influence on educated state elite get stronger. The aspiration of colleges to an autonomy, to parallel teaching and the right of award of academic degrees gradually awakens in them centrifugal forces in relation to the University. Self-sufficiency and aspiration to independence meanwhile first of all characterizes the Senior colleges of Salamanca University, the oldest in Spain. These colleges represented small autonomous student's communities. Their charters and privileges granted by the royal or papal power were considered often as fundamental in spite of the fact that their members submitted to the rector of the University.

Having own academic council or council of pupils, the college resolved through it all major issues of the internal life – questions of management and acceptance of new members, questions of property, appointment to positions, and if necessary and at a sufficient majority of votes it was possible to make amendments to the existing charter. In the 16th century colleges begin to oppose openly them to an academic council of the University, to compete to it, seek to substitute it; quite often it came to open discords and litigates.

Four Senior colleges of Salamanca – St. Bartholomew's college, college of Cuenca, Oviedo college, college of the Archbishop – had the huge academic and social importance not only at the University, but also in the state life of Spain of the of 16 – 17 th centuries. These colleges graduated future state and church figures of the country. Persons who entered University college passed «purity of blood» test, personal qualities testing of the applicant and his family environment.

The indispensable initial condition for entering the college – poverty – ceases to be considered over time, and natives of the titled nobility begin to come to the Senior colleges. Thus, granting the place and a grant in college has lost the initial charitable sense, and receiving it has turned into means of achievement of high church and state posts.

References

1. Carabias Torres, A.M. (2013) Evolución histórica del colegio mayor. Del siglo XIV al XXI [Historical evolution of the residential college. The 14th to the 21st centuries]. *REDEX. Revista de educación de Extremadura*. 5. pp. 67–81.
2. Carabias Torres, A.M. (1986) *Colegios Mayores: Centros de poder. Los Colegios Mayores de Salamanca durante el siglo XVI* [A residential college: Power centres. The Residential College of Salamanca in the sixteenth century]. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.
3. Cuart, B. (2002) Un grupo singular y privilegiado: los colegiales mayores [A unique and privileged group: Older schoolboys]. In: Rodríguez-San, P. (ed.). *Historia de la Universidad de Salamanca* [History of the University of Salamanca]. Vol. 1. Salamanca: Universidad de Salamanca.
4. Fuente, V. de La. (1884–1889) *Historia de las Universidades, Colegios y demás establecimientos de enseñanza en España* [History of universities, colleges and other educational establishments in Spain]. Vol. 2. Madrid: Viuda de Fuentenebro.
5. Chiarantoni, C. (2008) *La residenza temporanea per studenti: atlante italiano* [The temporary residence for students: Italian atlas]. Firenze: Alinea Editrice.
6. Zheravina, O.A. (2013) Cardinal Albornos as the founder of the Spanish college of St. Clement in Bologna (a series of portraits of outstanding Spaniards from Stroganov's Book Collection). *Vestnik*

Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History. 1(9). pp. 61–69. (In Russian).

7. Hernández, F.M. (1992) La influencia de los colegios mayores españoles en la fundación y primer desarrollo de los americanos [The influence of the biggest Spanish schools in the founding and early development of American Studies]. *Estudios de historia social y económica de América.* 9. pp. 9–22.

8. Simonov-Emelyanov, I.D. (2010) Podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov: opyt effektivnogo resheniya [The preparation of the teaching staff: The experience of effective solutions]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia.* 6. pp. 56–62.

9. Polyakov, D.D. (2015) Model' formirovaniya kadrovogo rezerva sistemy obshchego obrazovaniya RF [The model of formation of personnel reserve in the general education system of the Russian Federation]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty.* 22. pp. 71–75.

10. Zhuravlev, V.A. (2000) Klassicheskiy issledovatel'skiy universitet: kontseptsiya, priznaki, regional'naya missiya [Classic research university: The concept, features and regional mission]. *Universitetskoe upravlenie – University Management.* 2(13). pp. 25–31.

11. Lario, D. de. (2000) [The institutional structure of Spanish schools: An approach]. *Las Universidades Hispánicas: de la Monarquía de los Austrias al centralismo liberal* [Spanish Universities: The Hapsburg Monarchy liberal centralism]. The Fifth International Congress on History of Hispanic Universities. Salamanca: Universidad de Salamanca, Junta de Castilla y León. pp. 327-335. (In Spanish).

12. Arrazola, L. (1836) *Enciclopedia española de derecho y administración o Nuevo teatro universal de la legislación de España e Indias* [Spanish Encyclopedia of Law and Administration or New Universal Theater of the Legislation of Spain and the Indies.]. Vol. 9. Typ. de Antonio Rius y Rossell

13. De Heredia, V.B. (1972) *Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600): La Universidad en el Siglo de Oro* [The Charter of the University of Salamanca (1218-1600): The University in the Golden Age]. Vol. 4. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.